

Евгений Кашников

АНИМАЦИЯ МЫСЛИ

Евгений Михайлович Кашников

АНИМАЦИЯ МЫСЛИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28062120

ISBN 9785449007520

Аннотация

Хочешь прожить жизнь тремя своими телами одновременно? Образом света, силуэтом линий и маревым призраком? Я вложил душу в создание этой книги. Мне больше нечего сказать.

Содержание

Часть 1	5
Анимация (от фр. animation – оживление, одушевление)	5
Начало 1	7
Осознание знакомства	12
Начало 2	19
Его Мир	23
Друзья 1	35
Незнающие реальность 1	41
Друзья 2	44
Начало 3	47
Брат Александр 1	54
Начало 4	67
Брат Александр 2	80
Незнающие реальность 3	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Анимация мысли

**Евгений Михайлович
Кашников**

© Евгений Михайлович Кашников, 2018

ISBN 978-5-4490-0752-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Анимация (от фр. animation – оживление, одушевление)

Капнула одна слезинка, другая. Одна пролетела сквозь пальцы, как впустую потраченное время, и ее не успела поймать. Чтобы посмотреть хотя бы, чиста ли она? Или лицемерие насколько проникло в душу, что к концу ее игры стало все умирать вокруг. Деревья увядали в секунду. Запахи исчезали, все цвета размывались в темно-серый фон. Еще слезинка..... Кап, кап. Любила ли она? Тогда зачем плачет, наверно очередная игра, только теперь со своими слезами, в которых отражалось ее «я», как сэлфи, где можно покрывляться как хочется, и ее это забавляло и снова забыла о чем плакала.

Я поймал вторую, даже не поймал, она сама упала в ладонь, да... словно так должно было быть, она катилась, медленно, цепляясь за линию жизни, как будто не хотела разбиться, постепенно ослепляя меня безумством любви... кап. Нет ее. Подобно пол году пустой судьбы, или на выброс свое существование. Как же долго она катилась по этой линии, но так еще никто не согревал, словно заставляя наслаждать-

ся до передоза одурманивая этим идеально простым, но святым чувством, вкусом тех мягких губ, кончика языка, или взгляда, крика, запаха...

Всего лишь воспоминание. Одно из тысячи или миллиона. теперь это пустыня, в которой «я» теряется в пыли, или океан, в котором «ты» испаряется на небеса, и мы будем пересекаться только во время дождя, когда по капелькам ты сможешь спуститься ко мне, или во время сухого пыльного ветра, когда к тебе смогу подняться я.

Казалось бы жизнь должна была пойти привычным шагом, в родной «зоне комфорта», только границы стерты, и все вокруг как-то не удобно... Все равно он смеется, он всегда много смеется, только теперь это не смех, а маска. Все носят маски с разной гримасой, только чтобы не быть собой, с доброй улыбкой, не важно. Люди не любят правды, она не нужна, в ней нет лести, когда ее так хочется. А ведь ложь – это то, чем в совершенстве владеет сатана. И мы валяемся по уши в этой грязи. Поливая ею кого-то за глаза. И я много раз видел, как по луже прыгает чей-то ребенок, брызги разлетаются под ногами, но как он еще молод, еще не знает, что для кого-то это беспокойство, скандалы, здоровье и так не хочется, чтобы он был в грязи, и кто-то снова вытаскивает его от туда, напоминая, что это плохо, хотя сам уже завяз в «своем болоте». А он кричит, плачет, словно и ему не нужна эта чистота. Да без нее веселее... но только на секунды.

Он просто сидел и не двигался. Не было мыслей. У вас

было так, что вы просто можете просидеть, не думая ни о чем несколько минут. Он просидел довольно долго. Этот момент запомнился. Он не помнил, что было до и после. Но это не в пустую потраченное время. Единственный момент в жизни, в котором даже тишина переполняла мудрость.

Он понял, что люди судят всегда, и так, как хотят, первые два три мнения о человеке, и можно «угонять его за тучи». И все ставят себя выше него. Даже со временем, общаясь с теми же людьми, мы все равно ставим себя выше. Так лучше для него, считаем мы, да именно так. Он же все делает неправильно, надо научить, я же больше знаю и лучше сделать могу. А разве? Это банальный пример. Это Я лучше Его во всем, одежде, манере поведения, даже фразу: «Иди на х...». Он говорит как-то не так. Попробуешь отнестись к человеку с добром, и он подумает: «хитрый сука какой-то, полюбому выгоду ищет». А он просто работает, и старается любить все то, к чему прикасается его рука.

Начало 1

- я приравнивала его к массе.
- что, прости я... неважно.
- он такой же как все.
- но все же разные.
- нет... они... они все одинаковые нет в нем того что нуж-

НО МНЕ

– а что ты ищешь?

– ну что-то особенное. В человеке должно быть это

– наверно он должен быть твоим «я»? А ты просто рас-
творила его, как сахар в чае, и даже не заметила, что он стал
слаще

– наверно, – вздохнула девушка.

Он взглянул ей в глаза и улыбнулся:

– все проходит

– нет – сказала она

Оба задумались. две простые фразы, и замолчали,
сидя в ее машине, повторяя вчерашнюю попытку бросить
курить. Еще один день потраченного здоровья.

– да ты прав

– да ты права.

Одновременно согласились они, и переглянулись.

– поехали – предложил он

– но не все же проходит? – перебила девушка – даже если
я сейчас уйду, все равно через 10 лет, 20, вспомнив его, я
буду так же любить. Просто я не хочу больше никого искать,
но если бы я знала, что он через все эти годы будет любить
меня сильнее... поэтому я... просто я хочу проверить, люди
не любят правду. Но он так красиво говорит мне о любви,
поэтому я сомневаюсь и.

– поехали – остановил он и пристегнулся. Закрыв окно,
нажав на кнопку:

– скоро кнопок нигде не будет. Будут везде сенсорные экраны на клавиатуре, на пультах, где-то просто голосовые функции. Прикинь: в туалете будет сенсорная кнопка, чтобы слить воду, или лучше сканер, сетчатку глаза сканирует. Наклонился такой проскаканировался. И он выдает: «Осторожно, осторожно возможны брызги, отойдите в зону, более безопасную для дальнейших действий.»

– дурак – и они засмеялись.

Они ехали уже минут 15, он одел темные очки и продолжил размышлять.

Весна тихонько, но смело начинала обнимать своими еще маленькими крыльями. Солнце даже сквозь очки пыталось показать свою силу. Тепло. Пусть и не на душе, но когда-то и там должно быть так же.

– слушаешь? – тихо спросил он

– почему ты просто не напишешь ей?

Он посмотрел ей в глаза, и девушка смирилась

– хорошо

Она выключила музыку и расслабилась. Но сейчас он молчал. «Странно! Почему? Уже минуту он ничего не говорил. Наверно мы... или... может быть я?» – пыталась разгадать

– она – моя тишина – начал он, и замолчал

В тишине все набираются сил, отдыхают или видят сны. Познают утрату или тихо в душе радуются новому счастью. Она нужна ему так, как нужна всему миру.

– Тишина, подумать только

Он остановил девушку, прислонив палец к ее губам.

Это действие, или поступок, или молчание было сейчас дороже ответа.

– красивая

– кто? – удивился он

– тишина твоя

– почти приехали. Сверни здесь, я покажу тебе кое-что

– хм, прикольно, но о чем ты хотел сказать?

– о том, что жизнь быстрее, чем кажется. О том, что мысли никогда не устают. О том, что каждый поступок – это проверка твоих возможностей. Если бы я не нарисовал, то это был бы чистый лист. Потраченное на это время лишь совершенствует мои таланты. Пусть и по меньшей мере, но это правда. Надо всегда развиваться. Ведь когда-то придет время остановиться. Пойдем пить чай, расскажешь, как съезди-

ла.

Его слова звучали разделяя одно предложение от другого. Делая паузу, он давал понять, каждый раз – это новый смысл. Словно он говорил девятерым, всем по их желанию воспринимать этот мир. Но сказал всего лишь ей. И она зачерпнет из этого только для себя.

– а электричество здесь есть?

Это был гараж, по его словам: «Оборудованный в разы уютней любой комнаты». Стол и кресло. Перед столом бургуйка, рядом лопата, значит и зимой он заходит сюда часто. За креслом висит гамак. Потолок разрисован: звезды, две планеты, солнце. Это напоминало ему о том, насколько удивительна жизнь. На столе светильник, явно сделанный каким-то не известным дизайнером, видимо заряжает он его в квартире. Но и с ним полумрак. Минимализм, если сравнивать с его гаражом – это действительно стиль

– нет

– тогда почему ты не рисуешь дома?

– здесь я рисую свои мысли, меня ни кто и ни что не отвлекает. Я выключаю телефон и внимательно вылавливаю нужные. Поэтому – даже не задумываясь, ответил он.

Они вышли из гаража и направились к нему. Девушка шагала впереди. Не высокая, темноволосая, хотя если приглядеться несколько прядей были светлее. Серо-зеленые глаза, она была красива для большинства, но не в его вкусе. Она всегда грамотно выстраивала речь, была по женственному

нежна, а если кто-то добивался ее вспыльчивость, то равных ей не было. Женщина не отказывала себе ни в чем. Ее звали Вероника, но все ее звали Ника, молодая успешная леди, как называл ее он. Их знакомство произошло необычно для девушки..

Осознание знакомства

это было утро воскресенья, смска пыталась за пару секунд разбудить Нику.

– привет, ты обещала мне завтрак, не забыла?

– да да уже встаю – она понежилась, немного потянулась, встала, и пошла потихоньку собираться. Уже через час, он наблюдал через окно ее любимой кафешки, как она переходит улицу. Заходя во внутрь он махнул ей рукой, приглашая за стол. Но ответа не было. Ника замерла, осмотрела всех вокруг, но не могла узнать из них никого, были похожие люди на ее знакомых, но не более. Она уже хотела развернуться и уходить.

– Ника – он громко назвал ее имя

«Откуда он знает, как меня зовут? – она удивилась еще больше, посмотрела ему в глаза, но не узнала в нем никого. – Что происходит? кто он? как я вообще согласилась пойти с... с кем же?» – мысли бегали друг от друга, словно играли в догонялки.

– Ника, я здесь – он позвал ее еще громче. Несколько че-

ловек обернулись, она растерялась и, не зная зачем, направилась к нему.

– привет – как ни в чем не бывало продолжал он – как дела?

Почему-то ей вспомнились слова из фильма «Брат 2»

« – и что? им всем интересно, как у меня дела?»

– нет

– а че тогда спрашивают?

– просто так. Здесь вообще все просто так, кроме денег»

Ника улыбнулась

– привет, но кто ты?

– мы виделись не так давно, а ты уже забыла – он улыбнулся в ответ.

Память стала открывать, словно занавес в театре, полную картину произошедшего. Ника побледнела. Он продолжил что-то говорить, но девушка не слышала: «Я дала ему свой номер, и ясно помню, что это был сон, я пообещала ему завтрак? Да. Нет это какой-то бред, это же сон, а он здесь»

– послушаешь? и я пойду – он перебил ее мысли

– Что слушаешь? Я ничего не понимаю? И ты уйдешь!

И сотрешь мой номер! – она испугалась еще сильнее, все слова, сказанные сейчас, были произнесены в ее сне, Вероника знала, что он начнет говорить, но что? Это ее заинтриговало больше, чем какой-то испуг. Девушка оглянулась, вокруг так же сидели те же люди. «Он действительно уйдет, но, что он хочет сказать?» – она знала это. Но на всякий случай дер-

жала под столом баллончик с газом, и готова была в любой момент опустошить его.

– хорошо. Говори и уходи. – Ника вся внутри дрожала, желая, чтобы это все быстрее закончилось.

Он отвел от ее глаз взгляд:

– она бесконечно святая, прозрачнее капли воды, как будто солнце в ее глазах отражается ярче.... Только глаза ее не «видят», Они наполнены не тем чем должны. Словно маленький котенок играет, царапает тебе пальцы, зная, что когти испачканы ядом. И процесс уже запущен, и не вернуться назад. И все равно хочешь уберечь, показать ей другую жизнь, не ту где есть ложь. Но она сама закрылась в этой клетке, и играет с тобой, протиснув к тебе лапки, между железными прутьями. У тебя есть ключ к этой решётке. Но надо, чтобы она сама ее открыла, а перед этим, чтобы высох яд на ее коготках. – он замолчал, и через несколько секунд продолжил:

– да, наверно я просто буду ждать. Спасибо, что услышала, я стираю твой номер, пока – он стер при ней ее цифры, и вышел из кафе.

Впервые Вероника почувствовала душу.

Капнула одна слезинка, другая...

Баллончик выкатился из рук девушки, и звонко упал на пол. Ника быстро пришла в себя: «Какой-то сумасшедший», – это была вторая ее мысль. Но чувствуя, что все это закончилось, и как она голодна, решила позавтракать, тем

более, что сочный кусок мяса уже давно дразнил ее носик.

Стол быстро опустел, особенно если учесть, что в некоторых таких заведениях, блюдо выглядит, как порция для ребенка. Веронику это вполне устраивало, она следила не столько за своей фигурой, как за правильным здоровым питанием.

Мысли о случившемся не покидали ее весь день, девушка не могла сосредоточиться, этот город отвлекал одним своим существом. Большие телеэкраны рекламы, маленькие плакаты, стрелочки показывающие, даже сманивающие, каждого зайти сюда или туда. Эта реклама жизни, своей или чужой. Мы сами себя рекламируем, кто-то, как бренд, другой, как забегаловку. Но конкуренция съедает, если ты слаб – мир зверья.

А любовь равноценна бессилию, ее смешали в похоть, или сделали продажной даже без проститутки. Ей можно пользоваться, а она и рада, думая зацветет сильнее. Но кто-то снова берет ее, вырывая с корнем, и бросает вон. Глупая, она и тогда, перегнив, становится удобрением для разных сорняков. Может хоть они зацветут?

Чуть позже:

«Хороший садовник», – подумала Ника, проходя в цветущем коридоре в несколько комнат, среди тысячи красивейших цветов, очередном торговом центре. Аромат наступающей весны, тепла, несколько приятнейших минут предлагающих забыть реальность, сухой, пыльный город, заставляю-

щих не сомневаться в существовании Творца. Красиво здесь, как будто Рай сфотографировали, и отдали это фото тому садовнику. Вокруг слышны сотни разных птиц, переливающиеся то, как эхо, то, словно они перелетали в другой край этого волшебства. Несколько фонтанов время от времени рождали радугу.

Женщина хотела присесть и отдохнуть, хотя бы немного побывать в этой сказке, но не найдя скамейки, шла дальше. «Все же садовник – не садовник если здесь негде присесть. Подумал обо всем... кро», – она в секунду замолчала.

Совсем не далеко, шел он. Ника спряталась за рядом стоящим, пышно цветущим, деревом: «Нет, цветочник, ты все же гений.» – ее глаза заблестели.

Пиджак, брюки, часы, туфли. Нет только галстука. Он считал его лишним, да и глупым изобретением. Это и не пояс, и не ошейник, и не шарф, зачем он нужен. Но это было всего лишь его личное мнение.

Он зашел в спортивный отдел. Вероника решила усовершенствовать свое подглядывающее устройство до подслушивающего. И быстро, но осторожно поторопилась за ним.

Он с кем-то говорил по телефону. Девушка приблизилась так, что бы все расслышать, и ее устройство заработало на максимальной мощности

– да я делаю то, что у меня лучше получается – его голос звучал строго, и с какой-то иронией.

Он взял спортивный костюм.

– нет

– Да, да конечно – он начал передразнивать, свою явно собеседницу, и направился в примерочную

– Девушка, могу я вам чем-то помочь? – слева от наклонившейся Вероники стоял продавец консультант, не понимающий, что происходит

– нет спасибо – та схватила ближайший лифчик со стенда, и направилась за своим объектом наблюдения, зайдя в соседнюю кабинку

– лучше всего на сегодняшний день у меня получается любить – он продолжал – а не рассказывать. Любовь предлагает тебе жить, это большее из чувств. Она не требует, но хочет взаимности, это очевидно, ты можешь ее унижать, но если ты возвысишь ее, – говоря так, как будто сам узнал об этом только что. Но он уже выходил, видимо так и не примерив костюм, и это были последние слова его собеседнице. Нике ничего не оставалось, как уходить. Она выждала момент и вышла из примерочной. Он шел быстрее, и уже вышел из спорт отдела.

– как вам наш товар? – с улыбкой смотрел на Веронику тот продавец. Она покраснела; поверх одежды на ней был тот лифчик.

– вам нравится? – девушка улыбнулась.

– да, он очень удобный – он засмеялся

– тогда носите на здоровье – она нахмурилась, сняла его и бросила ему в лицо.

Он сказал ей правду. Хоть и поступки прошлого рисовали его другим человеком. Но это прошлое поменяло его. Разве вы не видели людей добившихся высот, как они становились лицемерными, гордыми, не все, но многие. Все меняются. Нет того, кто не меняется. Человек должен захотеть что-то сделать. Добро делать сложнее.

Музыка – это всего лишь катализатор. Она усиливает чувство то, что у вас на душе. Не важно грустная или веселая мелодия, но она усилит момент. Несколько раз Вероника напевала мотив любимой песни за весь день, пробуя толи поднять настроение, то ли наоборот.

Снова поздно. Квартира. Женщина добралась до постели по пути успев только умыться: «Когда я нормально отдохну?»

И, что-то напевая, стала вспоминать все произошедшее с ней сегодня. Подобно колыбельной Ника убаюкала себя в сон.

– эта мелодия не подходит для тебя. – он прикоснулся к плечу девушки. Ника молчала.

– привет, не испугалась? – он взглянул ей в глаза.

– нет, привет – она была удивлена, другому. Он, уже не имел значения. Это был огромный зал, много людей, цветов, музыка – современность, смешанная с классикой. Никогда не устареет эта совокупность. Вероника здесь выделялась, более, чем...

белое платье в пол, фата... белоснежная принцесса

– а где кольцо? – она обернулась к нему

– это же твой сон...

несколько секунд звонил будильник.

Вероника проснулась в смятении, но с мыслью, стоит ему позвонить.

Начало 2

Гараж стоял уже далеко позади. Женщина продолжала идти впереди

– нет, любовь не может пройти, это же состояние души – она настаивала на своем.

– хм, раз так, значит крылья могут быть. Че блин, пролетела что ли? – он задумался.

– ее нужно согреть, беречь, улучшать

– ага, до 80ого уровня – он улыбнулся – Нет, она либо есть, либо ее нет. Вот и все. По крайней мере у нас, у вас женщины это дааа – он сделал акцент на последнее слово

– а что у нас, у нас все отлично

– я и не сомневаюсь – они зашли в подъезд, поднялись к нему в квартиру.

– я поставлю чай – Ника отправилась на кухню

– только не на колени, а то ты можешь – он засмеялся и ушел в другую комнату.

Она накрыла стол и пошла за ним. Из его комнаты доносились ноты гитары. Вероника замедлила шаг: «Как краси-

во...». Но остановила его игру своим появлением

– пойдём, чай остынет, и оставь уже все. Все в прошлом.

Все проходит

– странно, что все проходит, да? – он нахмурился –

Но остается же. Где? В прошлом. Значит ничего не происходит... , получается так. Гребаная логика блин – он положил гитару в футляр – пойдём за стол

Они сели друг напротив друга.

– прошло 5 лет, но она не изменилась – Ника начала рассказывать о своей поездке – ничего не поменялось. Она скучная какая-то, зачем тебе все это?

– не суди то, что не понимаешь

– ...прости

– как ты думаешь, пять лет – это много?

– конечно много – не сомневалась она

– а когда пролетает, и ты оборачиваешься назад, как это мало. Ты заметила, что я, как и она, не изменился за это время?

Вероника взглянула ему в глаза, на руки, волосы

– я тебя просто часто вижу – ухмыльнулась девушка

– посмотри – он достал какую-то черно белую фотографию, местами заляпанную, потертую. Пара уголков успели сгореть.

– это ты? – ее изумление было очевидно. Он выглядел так же. Тот же возраст, как если бы сейчас сфотографировали, и проявили пленку. – Это же она рядом с тобой да? Я

права? Да нет, это фотошоп, или... Но как? Это не возможно

– я полюбил ее сильнее, чем...

– чем что?

– скорее, чем кого, но в этом и ее вина.

– пойми, все и очень просто, и очень сложно – он продолжал, но Ника ничего не понимала – как тебе объяснить?

– видимо не стоит, если от вас можно ожидать все. – она решила его остановить – Я вижу, как ты ее любишь, поэтому не сдержалась, и познакомилась с ней

– о чем вы говорили?

– скорее о ком?

– ясно. На этом наша беседа закончится сегодня – он вышел из-за стола.

– но, ... я хотела послушать – Ника немного расстроилась

– что? Очередные сопли, за люблю куплю и полетели? – он начинал нервничать

– нет, почему, нет... – она растерялась

– да потому, что да, я полюбил ее больше Бога. Ты это хотела услышать? Ошибка лишь в том, что Он дает жизнь, а я ради нее готов геноцид устроить, который мне на х..й не нужен. Чем дальше расстояние держит меня от нее, тем лучше. – беседа переросла в скандал

– да кто ты такой? И какое право имеешь повышать голос на меня. Ты сам появился в моей жизни, сам и ездил к ней, а я ухожу. – Вероника отодвинула от себя кружку с недопитым

чаем, и немного погода – может, что-нибудь покрепче?

– да... прости я...

– тогда я вызываю такси —

– хорошо

Ника доставала телефон из сумочки. Он стоял возле окна и смотрел на улицу. Очередная весна, где даже снег падал, чтобы побыстрее растаять. Пара берез да тополь во дворе, полюбились ему с каждой чашкой утреннего чая. Мне кажется если у человека отобрать все, то он полюбит и темноту. Вы бы смогли полюбить тьму? Всё бежит вокруг. Все бегут куда-то. Зачем? Да просто, хотя бы ради Бога наверно.

– такси скоро будет, – Вероника убрала телефон обратно в сумочку – как работа?

– всё так же интересна – он сел за стол – она никогда не наедет

– хоть я и не понимаю ничего об этом, но как ты узнал тогда меня из всех, их же там так много?

– Ника это место не для тебя, это какая-то случайность, но после той ситуации все исправили, я же говорил тебе об этом раньше.

– я однажды рассказала обо всем Ирине, помнишь ее?

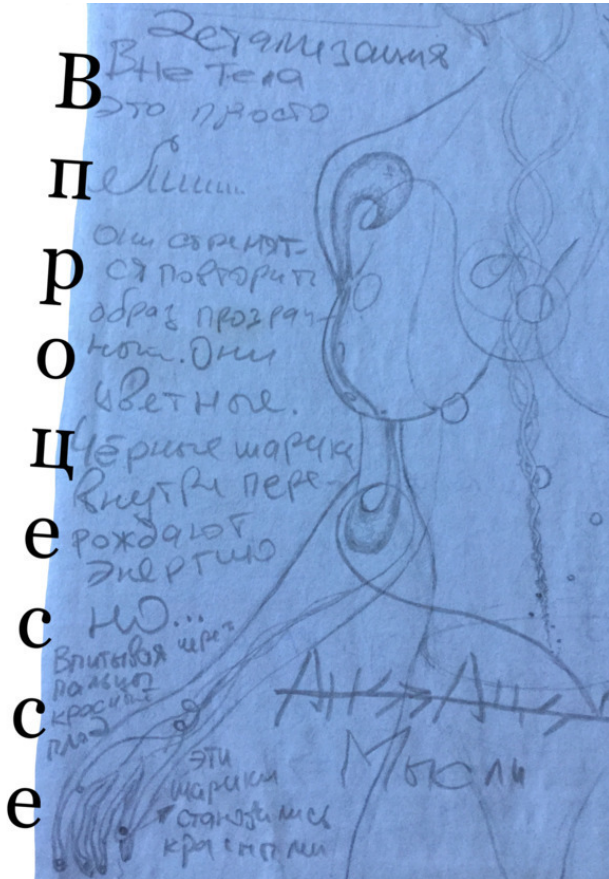
– ага – он заинтересовался

– только сказала, что это был сон, всё ей описала, как ты мне говорил, и то, что успела увидеть я, ну, про души, потоки

– я сам был шокирован, когда ты появилась, словно родник из под земли, если бы это был ваш мир

Его Мир

Они другие, бестелесные, словно из дыма. Они легко меняли форму, никогда не повторяя свой прошлый лик, но узнавали друг друга и на расстоянии. Общение было не слышно, но ясно, как будто телепатия. Так же находили свою любовь, но уже не как мы сливались воедино и окрашивались цветом, и уже не могли уйти друг от друга. Но черный имел мертвый лик, белый – при рождении. Если описывать более подробно, то это была звезда. Как у нас солнце. Вокруг него и находился их мир. На определённой орбите от её центра для них была твердь, где проходила жизнь. Ниже были потоки, словно реки из их мертвых, здесь же создавалась энергия для их жизни. Где-то выше были более сильные. На самой высокой, или дальней жил уже..., как например для нас Бог. Они легко переходили с одной орбиты на другую просто паря в пространстве. Не доступны были только самый верх и самый низ. Их звезда не светила так мощно, но давала достаточно энергии, чтобы и там зародилась жизнь, им не нужно было земли или воды, это очевидно. Они могли создать все что угодно, просто задумав это, только приходилось тратить время. Чем сложнее была мысль или идея тем тратилось больше времени, тогда их тела медленно темнели.

Ника была среди них, скорее это была ее душа. Она пыталась потрогать кого-то, но её рука прошла сквозь один черный лик, затем другой. Они все куда-то плыли словно рекой

в определенном направлении.

Он стоял уже не далеко от Вероники, перенаправляя поток душ. Эта «река» как бы раздваивалась, то есть это делал он, словно отделяя одних от других

– привет, кто ты, как ты здесь оказалась? – находясь еще далеко, он был ошеломлен

– привет, я Ника – она задумалась – где, во сне?

– нет, это не сон – он не чувствовал, но осознавал ее присутствие.

– не сон? – Вероника вздрогнула. Ее испуг подобно взрыву оттолкнул от себя всех кто был вокруг. Они парили будто в невесомости, отгалкиваясь ее мыслями, отлетая все дальше. Она не понимая, создала вокруг себя защитную оболочку, которая только увеличивалась в размерах, и очень быстро

– нет, стой, что ты делаешь? – он в миг прошел сквозь ее защиту и оказался возле нее. Окутав собой, как дымкой... – подумай о чем-нибудь хорошем, твои мысли здесь реальны, они все равно мертвы и ничего тебе не сделают

– не трогай меня, уйди, я буду кричать – женщина не контролировала себя больше

– Ника, Ника, это не поможет, ты можешь, только погубить себя. – он заметил, как ее тело стало светиться ярче и ярче.

Он не был в таких ситуациях раньше, но это яркое свечение нужно было прекращать. Неизвестность – пугает, и притягивает, как магнит с разными полюсами. Бездействие – это

всего лишь бездействие.

Она закричала, на столько, на сколько хватило сил. Это была вспышка света. Он знал ее мысли и пытаясь заблокировать эту защиту перерожденную в нападение, словно испарился, как призрак которого и не было. Он разделился до молекул, чтобы прочувствовать её. Он легко мог просмотреть жизнь любого, но только среди своих, и при случае остановить его в секунду. Сейчас же ситуация была иной. Он окружил эту вспышку собой. Ника видела его, но остановить или контролировать выпущенный поток своих мыслей уже не могла. Она боролась за свою жизнь, среди мертвых. Постепенно свет стал гаснуть, а Вероника чувствовать слабость. Вскоре стало совсем темно. Затем появился один бело-синий лик, другой, появились еще два силуэта, оттенка ближе к красному, и ее глаза сомкнулись.

Она очнулась.

Он был рядом.

– Как ты Ника? – в его руке были цветы. Такие же не обычные, словно из дыма – это тебе

– где я? – девушка посмотрела вокруг, но слабость не покидала ее

– ты в безопасности, и чуть выше, чем была раньше

– в смысле?

– скоро ты все поймешь. Нам пришлось заблокировать несколько воспоминаний, чтобы ты могла контролировать себя, иначе твои эмоции уничтожили бы тебя здесь

– но, где? И почему ты стал таким темным?

– ты все увидишь, а пока отдохни – коснувшись ее, девушка заснула.

Уходя, он оглянулся – она исчезла.

«Что все это... где же я...» – Вероника словно плыла среди всех. Касаясь одного, другого, это не было так, когда мы извиняемся слегка толкнув человека, но они мгновенно отходили всегда как призраки, оставляя после, легкий силуэт себя сопровождая улыбкой, или этого цветного дыма, который тут же исчезал. Все сторонились ее. Этот белый свет как при рождении, удивлял всех, она должна была быть гораздо темнее. «Какой красивый сон!» – Ника шла вместе со всеми в одном направлении, не зная куда наслаждаясь этой легкостью и красотой и звуками и... Они проходили среди нескольких, я бы не назвал это деревьями, но напоминало именно их. Некоторые плоды создавали мелодии, они выглядели словно прозрачный шар, или марево, другие было не видно, но чтобы вкусить такие стоило усилить одно из своих чувств, например для одних – это любовь, других – страх. Они все нужны были для самопознания. Другие росли для жизни. Третьи, как например «дурман» – для смерти. Все разделялись цветом, звуком, чувством...

Потоки под твердую, которые направлял он, рождали почти все. Он направлял их вверх решая где в их мире будет, например это «дерево» или «куст». Он не работал один, это

была группа силуэтов, отбравшихся по принципу сильнейших.

Внезапно вся толпа остановилась. Все взгляды были устремлены вверх. Ника замерла вместе с толпой. Она увидела высоко в далеке маленькую ярко-желтую точку, увеличивающуюся в размерах очень быстро. Это было похоже на огненный шар. Но девушка была спокойна. Она знала, что ничего плохого не произойдет. Только «ничего» приближалось ближе и ближе. Начали прорисовываться черты объекта. Все, кто окружал Нику, упали в одну позу на твердь. Девушка, наблюдая, ощущала, как они создают собой один сплошной разноцветный туман. Теперь она уже не отличала одного от другого. Все будто слились в одно целое.

Это был феникс, огромных размеров огненная тварь. Словно сапсан, сложив крылья, он мчался прямо на свою жертву.

Туман, окружавший Нику, стал медленно подниматься по ее ногам.

Жар охватывал все сильнее, словно с неба сошла раскаленная лавина, пожирая в прах абсолютно все. С каждым размахом крыльев этой твари, из них ударяли несколькими рядами молнии, их звук рождал страх. Вероника чувствовала, как огненный взгляд, проникая в ее мысли, возрождает

в них феникса.

Туман поднимался уже высоко над девушкой, он становился темнее, даже чернее. Молнии разрывали его, отбрасывая несколько силуэтов. Немногие поднимались снова. Другие падали словно ночь, исчезая в белоснежной, местами цветной тверди. Этого не должно было случиться.

Жизнь и смерть объединяет – любовь.

Он ждал ее, не оборачиваясь, не смотря и не слушая, угадывая все ее движения. Он знал ее. Каждое мгновение мысли, желания. Он звал ее, всем своим существом, всегда, всю свою жизнь... навсегда...

Она была прозрачным, не имевшим цвета, как все, изгоем, но только не для него. Они наслаждались друг другом, терялись друг в друге, касаясь кончиками пальцев, соединяясь в сознании, рождая целую вселенную. Создавая мир внутри себя они сливались в одно целое. Оставляя всех и все в ненужности в бессмыслии, но только сейчас.

Словно в пустом пространстве не имевшем начала или конца их мысли в унисон каждой буквы одной вспышкой пробуждали что-то ярко белое, живое, не имеющее определенную форму, но стремящееся повторить образ своих создателей. Так происходило всегда. Это был предел их развития, когда они добивались совершенства. Соединяясь, они стали одним.

(Циолковский однажды сказал: «Когда человек достигнет совершенства – его тело будет светиться», я не знаю, но это

заставляет задуматься.) Ее сторонились, хотя всегда приветствовали, помогали в чем-то, но как лицемеры. Камиэль чувствовала это, ей так же хотелось любить, только чаще становилось грустно. Она прозрачна – зачем такая нужна, от которой не получишь ничего. Их существование зависело от создания из мыслей живых и не живых материй. От чего-то невидимого, могло произойти, только невидимое.

– улыбнись – он шел мимо, уловив ее нотки грусти.

Она попробовала сделать что-то подобное, получилась смешная гримаса. Он засмеялся

– как твое имя —

– Камиэль, Эли, Миэла, Ка... – она перечисляя не договорила – тебе ведь, как и всем, нет до этого разницы

– все – не я

– что? – Эли словно очнулась – какая «всиния»?

Он прикоснулся к ней. Задев всего лишь прядь волос. Камиэль застыла в движениях, осознав, что он – среди сильнейших.

Ее локоны стали наполняться цветом шанжан, приобретая оттенок «пепел розы» постепенно, с каждой секундой. Но ей нравилось не это. Она чувствовала Его. Чувствовала себя. Безмятежно-яркой, интересной, бесподобной, нужной. Наверно просто женщиной.

Миэла оттолкнула его, испугавшись очередного обмана или этой, возможно иллюзии, но он остановил ее.

– уходи, зачем тебе это – но все больше отдавалась ему

– Кто ты? – он исчезал. Проверив свои возможности, создавая в руке цветок, чтобы Камизэль окончательно не испугать. Он убедился и продолжал. Щелчек – и она стала его вселенной...

Это было так давно, но они помнили это знакомство всегда, как сейчас, и тот цветок о котором было сказано:

on the way... •—• •— •—

однажды ты встретила цветок
такой как и все ни чем не приметный
слабый тонкий росток
он был самый обыкновенный
алый цвет лепестков
аромат разгоняемый ветром
мягких нежных тонов
озаряемый солнечным светом
ты не видела жизни в нем
или может быть просто не замечала
не знала тонкой души в нем
и как-то вечером ты его все же сорвала
ты принесла его домой
в холодный осенний вечер
поставила в вазу с водой
а рядышком зажгла две свечи
цветок согрелся теплом

он думал что есть любовь на этом свете
и раскрылся бутон
засиял что есть сил он на этой планете
но теперь ты спала
кого-то не дождавшись
и тихонько сопела
своим сном отдавшись
а цветок все сиял
распускаясь в надежде ответной любви
и яркой вспышкой «взорвал»
эту темную комнату затмив две свечи
все светилось прекрасным
красотой и любовью
желтым синим и красным
счастьем и какой-то мечтою
словно в старом камине
пылали красными фужеры мебель зеркала
все заиграло в цветочном мире
сливаясь в нежности друг друга дополняли три цвета
пыльца медленно плыла
в синем свете вселенной
всеми звездами свила
млечный путь в бесконечность
в желтых бликах мерцал
тронный зал из чистейшего золота
он буд-то тебя приглашал
быть королевой цветочного города
все в свете сливалось
меняя мираж

здесь все казалось волшебным сейчас
и был райский сад
солнце пляж и коралловый риф
красивейший водопад
теплых благ экзотический миф
цветок не мог разбудить и сказать
тебе уверенно и так искренне
только сумел показать
любовь свою в светлой истине
он сиять перестал
брызнув ароматами куда-то в темноту
отдав силы завял
разбросав свои лепестки по столу)

*** (Он увидел, какой ты можешь быть... и из цветка вылетел Феникс: маленькое совершенство, словно из мира игрушек: огненная тварь. Подлетая к Веронике, птица не удивилась белоснежной душе, а сложив резким взмахом крылья, помчалась на свою жертву. Словно сапсан, она схватила её душу, и понесла к центру планеты, через все круги ада.

Она понимала, что вокруг камни, разной плотности вещества и жидкости. Но они пролетали мимо, даже мыслями не отвлекаясь на этом. Этот Мир не касался их больше...

Наконец, оказавшись в полной темноте и пустоте, феникс бросил девушку и, мелькнув пару раз во мраке, удаляясь, исчез...) – это было до рождения Ники, когда еще она была в утробе матери.

А сейчас, в этом Мире Ника осознавала, что, что-то не так. Феникс должен был быть простой игрой фантазий этих существ, их праздником победы силуэтов над чем-то подобным. Но чтобы он ожил в мыслях Вероники.

– где же ты – она звала его раз, за разом. Это переходило уже в крик, все сильнее.

Он и Камиэль чувствовали этот крик, но их слиянию нужно было время чтобы окрепнуть. Ситуация этого не позволяла. Задумав, они оказались совсем рядом с Никой. Ее страх возрождался еще с большей силой, награждая ту тварь огромной мощью.

Девушка сияла еще ярче, чем в прошлый раз, но и он теперь был не один.

Все произошло в мгновение.

Феникс последний раз пронзил Нику пламенным взглядом. Насытившись, набравшись жизни ее страхом, стал вальяжно, лениво подниматься ввысь, его уже не интересовала, та «тучка» из тысячи силуэтов. Он превосходил их в сотни раз, да и интерес он проявлял уже не к ним. Кто-то еще пытался уничтожить, атакая, вырывая куски его жара. Но для него это ровным счетом ничего не значило. Силуэты стали разделяться друг от друга, разлетаться, скрывая мыслями, сознанием все вокруг, создавая живой мираж для этой твари.

Он и Камиэль, защищая Нику от феникса, окружили ее плотной завесой, чтобы ее свечение не разорвало свою обла-

дательницу. Произошел взрыв, создавая обратный эффект: они исчезали из этого мира, затягиваясь в образовавшуюся ими черную дыру.

Она затягивала феникса туда же. Еще несколько секунд и огненный демон исчез во мраке бездонной пропасти.

Черная дыра закрылась. Их больше не было здесь...

Друзья 1

– разряд – врачи нервно бегали – еще разряд

– одна дышит, что с теми двумя?

– пока ничего,

– что значит ничего, работать!

Они забегали быстрее.

– Сегодня в полночь по местному времени произошло ДТП.

Пострадавших трое, все в тяжелом состоянии доставлены в областную поликлинику, водитель проверяется на состояние опьянения. На месте ДТП обнаружены черные следы гари, образовавшиеся не понятно... – диктор, рассказывая новости, повел рукой в сторону, словно удивляясь своему сомнению, и продолжил – среди очевидцев огня никто не видел. На этом сегодня все, будьте внимательней, вокруг тысячи жизней!

Нике, сквозь сон, потихоньку возвращался слух, затем стала проясняться картинка перед глазами.

– где я?

– Вы попали в аварию. Сейчас в областной больнице. Все плохое позади. Поправляйтесь – медсестра, словно вызубренной фразой проговорила ответ, и воткнула в трубку капельницы сладкий одурманивающий» сон»

Щелчок. Вспышка белого света. Вопрос:

– Ты любишь жизнь?

Все быстро исчезло.

еще щелчок. Снова вспышка света. Тот же вопрос:

– Ты любишь жизнь?

Кто-то медленно подходит, протягивает руку:

– Эли?

капнула одна слезинка, другая. Резкий глубокий вздох.

Почти шопотом ответ:

– да... конечно-

Камиэль открыла глаза.

Он пытался вырваться. Но один разряд дефибриллятора, второй, впихивали его обратно в это...: «Что это?... Где мы?». Не понимая, как найти на «это» ответы, он прикоснулся ко врачу, увидев всю его жизнь, уловив в ней знания в областях: биохимии, анатомии, патологии: «Я не хочу сюда!!», – Снова, вырываясь, боролся Он.

– Так, ну все вроде

– да, пульс в норме

– трижды спасли

– Ага, как-будто не хотел жить?

– действительно странно, как это вообще возможно?

– на самом деле ты хочешь жить, но только с самому себе навязанным принципом. То есть, например: с любимым чем-то или кем-то, без чего не видишь смысла для себя. Я не касаюсь здесь наркомании, это совершенно другое.

– снова философия?

– сегодня можно – пытаюсь пошутить, глав. врач снял с лица маску и улыбнулся – всем спасибо. До завтра

Медики, прощаясь, торопливо выходили из реанимационной

Вокруг Вероники стояли ее друзья.

Но сейчас она была одна. Она сидела на краю стула обнаженной, немного склонившись, слегка касаясь пальцами лица. В другой руке, лежала пара ее слезинок. В рассеянных мыслях, среди отрывков памяти, ей вспомнился Макс. Та ночь...

Вдруг, Ника почувствовала по своей спине чье-то дыхание, страстное, теплое. Затем кто-то задел ее кончиком пальца и медленно провел по ее позвонкам. Как же безумно. Ника выгнулась вперед. Еще один выдох, она выгнулась влево. Одна ее рука скатилась с лица ближе к груди, другая бросила те слезинки, как не нужные ей... уже и забыла, что держала. По ее коже пробежали мурашки. Выдох Ники издал нежный стон. Кто-то губами прикоснулся к ее шее. Его рука огибала со спины талию, затем был уже низ ее живота. Еще поцелуй. Еще один жаркий выдох. Она резко открыла глаза, оберну-

лась, но все исчезло.

Вокруг стали появляться один за одним стулья, пять, двадцать, сотня, появлялись люди так же быстро. Ника теперь уже была шикарно одета, дорогой парфюм, бокал вина, хотя ей было не интересно и не вкусно. Рядом стоял Александр Михайлович и кричал, даже орал перекрикивая несколько человек

– Красавчик! Давай! Делай его! Делай!

Ника привстала, перед ней был ринг по боям без правил. Она узнала на нем: «Лука?»

– Лука, добей его! Давай! Давай! С ноги ему! Давай. – Затем он наклонился к Веронике и шепнул на ухо – я же тебе сказал детка, мы «поднимем» с тобой «бабки»

– Да, да, ты был прав – она улыбнулась

– Пойдем, здесь больше нечего смотреть

Они стали уходить. Лука все продолжал добивать своего противника. К нему наклонился судья, чтобы прекратить бой, но и его апперкотом опрокинуло назад, лица всех были забрызганы кровью, словно это была дикая бойня на смерть. На ринг стали забегать сначала судьи, затем тренеры, какие-то посторонние люди. Все кинулись на Луку, снимая его со своей жертвы. Но он вырвался от них, и в прыжке нанес последний удар кулаком тому в голову. Толпа разом навалилась на Луку, и уже дождавшись, когда с ринга унесут проигравшего, отпустила его.

Он поднял вверх обе руки

Да! да! я сделал его, каждого! Яяяя чемпиоооон! – он просто орал.

Уже на выходе Ника повернулась к Луке, но увидев даже на таком расстоянии его взгляд, закрыла глаза, и шагнула из этой сцены.

Она вышла на площадку главного из всех театров России, выложенную специально для нее самым дорогим паркетом. С верхней сцены, до самого пола свисали декорации в виде тысячей золотых нитей уходявших прямо в зал, до нескольких передних рядов и рассеивались, редая, в оставшихся. В зале стояла полная тишина, все слушали, предвкушая появление «Самой...». В руке Вероники был микрофон усыпанный стразами, на ней было яркое красное платье, от самого ценного для всех кутюрье. Она сделала шаг, и как и все услышала звон своих каблучков. Еще шаг, зал стал наполняться звуками, шепотом, затем один громкий хлопок, не удержавшегося от своих эмоций зрителя, еще несколько... Ника, ускорившись, появилась перед тысячной аудиторией, пожиравшей ее взглядами. Все прожектора включились в один момент. Казалось: все находятся под дождем, от эффекта этих нитей, которые раздвигались, удаляясь от Вероники сохраняя определенное расстояние до нее. Словно сама стихия воды не желала нарушать ее красоту. Зал взорвался аплодисментами.

– Добро пожаловать джентльмены! – ставя игривый акцент на первую «е» Вероника словно завела мужскую ауди-

торию зала, медленно ведя пальцами ладоней по своему телу – и леди! – она выделила их, резко распахнув словно приглашая в объятия руки так, что все женщины почувствовали себя могущественнее тех, кто их ухаживал – я приветствую вас! – Ника спускалась в зал, протягивая руку тому, кого возжелала. Она успела только моргнуть, как перед ней оказался дряхлый старик, в рваных лохмотьях, протягивающий руку к тысячной купюре. Шол ливень, Ника держала эту купюру, но увидев себя нищей, хотя это было просто без тех нарядов, потянула деньги к себе, и рванула, убегая от него наполняясь изнутри слезами, Выбежав на дорогу, она видела тот грузовик, но что-то словно вкопало Веронику в асфальт. Резкий толчок. Он спас ее. Вставая, и помогая Веронике подняться, он предложил ей:

– не делай так больше —

Ника не поняла что именно, но ответила:

– спасибо, не буду. Как тебя зовут? – Ника улыбнулась своему спасителю.

– меня? – он удивился – Ника, ты не... – он взглядом проник в ее душу – ты не помнишь.

Осознавая, он удивлялся еще больше. Ее нельзя было оставлять, та огненная тварь разлетелась по их сознаниям.

– не помню? – перебила девушка – что не помню?

– как пообещала завтрак своему спасителю – он стал заигрывать, специально, чтобы максимально заинтересовать Веронику, и поселиться в ее памяти пусть и маленьким,

но счастливым эпизодом

– да, затем ужин, клуб, постель – она строго посмотрела на него, но улыбнулась

– послушаешь? и я пойду – он продолжал

– что слушаешь? Я ничего не понимаю? – сейчас она действительно растерялась. И через секунду продолжила игру – и ты уйдешь! И сотрешь мой номер!

Он кивнул в ответ, и Ника проснулась.

Лена, сидя рядышком с Вероникой, гладила ее волосы, перебирая в пальцах пряди. Она была грустна, и тоской словно заражала рядом стоящих Луку и Александра Михайловича, и Макса.

– Лена, успокойся, Лена – не выдержал Лука

– Все будет нормально, я отвалил порядком «бабок», чтобы ее подняли на ноги – хотя сейчас А.М. лгал, он всегда был жадный к деньгам.

– Она очнулась – Макс остановил разговор

– Как я рада вас видеть! – Ника оглядела всех, – Алиса?

– Нет, она приедет позже. – Макс словно извинялся за нее...

Незнающие реальность 1

Алиса стояла в кабинке перед зеркалом глядя в свои стеклянно-дикие, бегающие глаза. Она чувствовала, как ее тело выделяет капельки пота. Как энергия разливаясь, поднима-

ет женщину от кафеля. Сердце, дыхание, телодвижения: все происходило быстро. Одно обгоняло другое. Шум моторов всячески отвлекал ее от мыслей, в которых творился сейчас полнейший хаос: «Ты готова! Один шаг, один... всего один, ты же готовилась, месяц... целый... долгий, один месяц... решайся!». Она быстро достала из лифчика маленькую колбочку, открыла ее, и ногтем насыпала пару полосок на край раковины. Наклонив голову, Алиса жадно занюхала одну из них, на секунду пропав из вида, затем снова появилась в отражении. Вытирая нос, ее мозг разрывался от этой бело-розовой химии, молниеносно раскидывая импульсы в каждую клетку ее затуманенного грязью организма, словно солнце испытывает термоядерные реакции. Она видела себя насквозь... девушка прикурила сигарету, и схватила рядом стоящую бутылку мартини, сделав пару глотков из горла, поставила ее, и снова занюхала эту дрянь, облизывая палец, обсасывая его, проглатывая последние на нем молекулы своей волшебной пудры. Алиса слышала свои мысли: «Еще глоток!» Она хотела было взять бутылку, но скорость в ее голове опрокинула рукой алкоголь на пол. От звона стекла, пилот постучался в кабинку туалета:

– все хорошо? —

Она слышала это очень медленно, и ее ответ, был очевиден:

– да, да все хорошо, я сейчас, не беспокойтесь, это просто бутылка, ни чего страшного, я все уберу, все хорошо – это

была скороговорка. Но мысли продолжали: Все хорошо! хорошо! да! всеее хорошооо!...»

– 2 минуты... —

– я выхожу – она перебила его

Девушка видела, как медленно машет крыльями муха садясь на химический след. Она протянула руку, и двумя пальцами схватила ее за крыло: «Надо бросать это все, бросать!». С отчаянием, но так же быстро простонала Лиса. Швырнула муху в сторону; потушила сигарету; спрятала остатки белой гадости; и, не убрав стекло, вышла из туалета. Отражение выходило из туалета последним, не успевая за своей обладательницей.

Второй пилот еще что-то объяснял инструктору. Девушка хотела присесть на кресло, но тело отказывалось ее слушать. Мышцы не могли позволить себе расслабиться ни на минуту, что-то несло ее прочь, гнало из этого самолета наружу. Ей хотелось просто разорваться, проникнуть в воздух и раствориться в этом мире:

– я готова – она сказала это сама себе.

Инструктор обернулся, но Алиса уже открыла дверь самолета и шагнула из него.

Парашют лежал рядом с креслом.

Она слышала только шум ветра, разлетавшегося под ней, глаза от защитной реакции прищурились. Адреналин немного разбавил эмоций в ее эликсире, но... Алису крутило словно куклу, падающую с крыши девятиэтажки, прокручиваю-

щую в голове снова и снова: «Всеее!... Хорошооо!.... Она потянула руку к кольцу, но его не было. Адреналин снова заработал, протрезвляя женщину: «Как же так? Где? Где? Где? Аааа...!!!».

Инструктор уже летел следом, разгоняясь к ней, как наконец схватил ее словно был с девушкой одним целым.

Уже на земле:

– вы не допускаетесь больше к прыжкам.

Алиса ничего не ответила, опустила глаза и ушла.

Друзья 2

– я думала ты никогда не очнешься – продолжая играть волосами Ники, Лена не отпускала свою тоску

– ну что ты, родная, мне уже лучше

– эти твои переломы, сотрясение – она посмотрела на за-гипсованную ногу, затем руку – как ребро?

– всего лишь трещина. Лена все заживет, успокойся.

– я так боюсь за тебя, как ты будешь дальше...

Это была грусть или тоска в самых глубоких смыслах. Она уже не хотела верить в счастливый конец, или начало чего-то, ставя под сомнение самую доброту, даже порой любовь, которую всячески пытался сохранить ее маленький трехлетний сын. Люди для нее стали простым кишащим то ульем, то муравейником, то.... Лена говорила про них: «Только инстинкты, только они двигают всеми. К примеру для одних

появился новый бренд в одежде, для других в автопроме, для третьих – в еде. Но для всех это звучит одной командой «фас», и они бегут, как и я сама, покупая, или беря кредиты на это свое «добро». Потому, что таково их «Я», ну или мое, неважно. Это просто толпа, которой управляют те, кто управляет теми, бесконечно ради себя.

– Лена, я тебе щас «всеку» – Лука начинал злиться

– Да конечно, сколько можно, – Макс поддержал его.

Лена обиделась, отстав от волос Вероники, и отвернулась, уделяя больше внимания своей же никчемной тоске

Врачи еще долго работали над пострадавшей: зашивали раны, гипсовали переломы, прежде чем увезти из реанимационной в палату.

Была глубокая ночь, даже какая-то слишком темная. Камиэль отдалась своим снам. Он стоял над ней, хотя его нынешнее тело было в другой палате, и видел Эли, «запечатанную» так же в телесную оболочку, но во много раз красивее, чем любая из любых. Она парила над собой, не имея возможности контролировать себя, как в прошлом. Всё ограничивалось пределами этой оболочки. Потокотом мыслей – мощной энергией, он словно запускал механизмы жизни каждого органа ее безупречного образа. Он не двигался, чтобы концентрация была максимальной. Это была аура то бело-синего цвета, то желтого, то красного... пропуская её по легким изгибам Камиэль, каждая разорванная мышца, после той аварии соединялась своими волокнами. Он видел это

так же легко, но только не в том теле, которое теперь предназначалось для него.

Дверь в палату открылась, зашла медсестра с очередным уколом и замерла. Тело Эли ярко светилось, рядом она разглядела его, переливающегося мощным цветным потоком, почувствовав медика, он прекратил процесс, но было уже поздно. Медсестра лежала на полу, рядом растекались жидкости из пары разбившихся бутыльков.

За последнее время он слишком много отдал: его силуэт местами переливался уже черным светом.

Он и Камизель теперь были готовы к этому миру. Так считал он...

– доброе утро, мы уже решили, что вы впали в кому – лечащий врач листал историю болезней – вы нас просто удивляете. Ваш организм, во время сна перестает нормально работать, сердце бьется один раз в минуту, все органы почти не функционируют, вы словно животное впадающее в спячку – врач посмотрел ему в глаза, отвернулся, через секунду взглянул еще раз, и снова отвернулся.

– Миэла... – он был жутко вымотан

– что? – подумав показалось, доктор продолжал – а ваша спутница, просто волшебница какая-то, она живет всех живых. На клеточном уровне она переродилась, словно в нее закачали программу обновления. Надеемся, что и от амнезии, она избавилась. – и словно позавидовав – Да, с таким-то телом. Ее кстати забрали родные, пока вы были в спячке. Ес-

ли в ваших планах – снова поспать, то мы вам этого просто не дадим.

«Похоже придется принять этот мир таким, какой он есть» —

он пробуждаясь, немного смирился.

Начало 3

– Скоро мы закроем проход между нашим и вашим Миром... – задумался он. – Отпускай такси, поедем на моей, если хочешь я объясню тебе эффект той фотографии

– неет, я бы послушала, но только не это – Ника намекала на другое потому, что была поражена, когда почувствовала душу.

– тогда поехали?

– да

Ему нравилась весна, когда снег таял за пару недель, оставляя пыль в своих утренних заморозках. Глядя на деревья, покрывающих мехом свои почки, он чувствовал маленькие ответвления новой жизни. Или как птица создает сотни разных звуков, из своего маленького клюва.

Он не учился любить, но просто любил, понимая, что только так возродится, что-то новое.

Технологии окончательно вытеснили «состояние души». Все потерялись в программах, обновлениях – отделились друг от друга, закрылись кодами, логинами. Создавая мираж

в собственной сказке.

Двери захлопнулись, он завел двигатель.

– Мы же всегда сравниваем людей?

– скорее всего

– это происходит непрерывно. Некоторые из них перебарщивают, переводя сравнения в реальность. Тогда, наверно, рождается новая ветка в стиле человека: ну к примеру эмо или готы

– к стати, в Японии любят одеваться в костюмы героев анимэ

– ага, бесконечная конкуренция стиля. А ты заметила, как эти стили выделяются возрастом?

– Конечно, представь в пожилом возрасте бабушка эмо и дедушка гот.

– Веселая парочка, внуки скучать точно не будут

– я это к тому, что... я не могу ее сравнить с человеком, она прекрасна, она безупречна, только если с чем-то мягким, пушистым, или чарующим, чем-то

волшебным, но только не с человеком

– почему?

– а ты бы с кем сравнила?

– свою любовь? Ну не знаю. Ммм... – Вероника замолчала, и погрузилась в океан своих мыслей: «Он прав, если бы я сравнила с Ли Мин Хо таким душкой, или Бредом Питтом, где он в „Мр. и Мсс. Смит“, и что из этого получится? Нет, ерунда какая-то. Или вот если бы я могла получить такого же

например двойника, кого-нибудь из них. А если бы характер не понравился, или воняло бы от него, или не смог бы меня „довести“, или ногти бы кусал фуу. Нет, мой ведь он один такой. Такой...».

Ника повернулась к нему, но продолжая размышлять. «блин, зачем ты сказал мне об этом... блиин, да какой же он тогда?», – немного разозлилась на него: «Такой сильный, как железный человек, или так – о да мой генерал, я слушаю вас мистэр Старк». Вероника улыбнулась, а он немного погодя продолжил

– Им дарят душу

– кому?

– тем кого любят

– это как?

– им поют на весь мир, им рисуют картины, создают скульптуры. Некоторые становятся бесценны. Потому, что это им. Это все для них. Это создает душа. Любовь живет в душе, там ее все

Вероника посмотрела на панель в его машине

– а это для кого?

– а это для меня

– нет, я имею ввиду ЧТО привело к Этому

– все просто – пока стоишь в пробке, еще и не такое сделаешь

– ааа, ну да, я не удивляюсь, «наш» вон где-то за рубежом песни так писал. Сейчас полстраны поет

– интересно, как люди поглащают время

– хм, лишь бы оно их не съело. При нашей-то суете

– да... – он отвел в сторону взгляд. Вероника поняла, что сейчас пора замолчать и просто расслабиться. Он всегда так делал перед «своей игрой слов», как называла это Ника.

– Ты мое все, моя живая мечта. Ты никогда не закончишься во мне, только ярче, только прекрасней, и пусть голова сходит с ума. В ней бесконечный свет, словно маленькое солнышко, но только не спит. Что бы насладиться ею всей, душой, этим взглядом. Ее нельзя сравнить, это обесчестит тебя. И пусть каждая женщина хочет быть Самой, это удалось только ей, и не важно сколько миров вокруг, она в каждом из них только удивительней. Все чудеса света меркнут в ее присутствии, теперь она всегда, она повсюду. Ее не изгнать, ты просто бессилён. Ты не хочешь отпускать ее, ограничивая выбор, потому, что боишься потерять. Первый раз в жизни ты что-то боишься.

Это не правильно. – Он замолчал

– Что неправильно? – Ника пришла в себя.

Он всегда делал много пауз, даже говоря одно предложе-

ние.

– Так любить не правильно

– но это же твой выбор?

– да, и я придумаю, как сделать по другому

– это не возможно, такова твоя душа. И она любит именно

так. Она не сможет иначе, просто смирись с этим

– Даа Ника, умеешь ты поддержать.

– а она слышала тебя сейчас?

– такие слова она слышит всегда.

– а почему только их?

– потому что это ее выбор

Подъезжая к бару. Парковка была свободной, возле входа стояла пара человек, окружая себя «дорогим» дымом. «Правильная политика» – так считал он в плане никотина: «Поднятие цен многих подтолкнуло на здоровый образ жизни. Это самый глупый и бестолковый из всех видов наркотиков». Хотя сам он бросал с огромным трудом.

Вероника заказала дорогого вина. Он всего лишь крепкий чай.

– хотели напиться, а ты за свой чай. Что ты в нем нашел, да еще и без сахара? – Вероника обиделась и отодвинула бокал

– Эли, – внезапно испугался он.

– ну и что у нее опять случилось?

Он повернулся к соседнему столику

– че смотришь? – он встал с кресла – да да, ТЫ?

Вероника хотела его остановить, но тот уже пошел к сто-

лику, за которым сидела не большая, изрядно выпившая компания. Он продолжал:

– Че понрАвился? Ты кого во мне увидел?

мужчина был крупнее его. Ника испугалась, и пошла к ним на встречу. Ситуация ставила в бессознательный тупик. Все сидящие насторожились. Кто-то готовился защищать, другой отодвигался немного подальше. Девушки растерялись

– не понял, пойдём

– щас поймешь – он резким движением своей головы ударил здоровяка внос. Из носа потекла струйка крови

– Хм – только произнес мужик, и одним махом вырубил соперника...

Вероника упала на колени рядом с ним

– да что случилось-то? Зачем ты ударил этого бугая. – Она повернулась к «ответившему тем же» – а ты что на провокации всякие кидаешься, звони в скорую он не дышит.

Все засуетились.

Прошло несколько секунд, он открыл глаза и сделал глубокий вздох.

– наконец-то ты очнулся! – Ника приподняла его, – как чувствуешь себя? Ты не дышал.

Здоровяк подал ему руку:

– ты извини, не рассчитал немного – и потянув на себя поставил того на ноги, – я надеюсь обойдемся без полиции?

– да да, проехали

немного отойдя Вероника продолжила

– что случилось-то? Сидели спокойно... и что, что он посмотрел? Все на всех смотрят. Что теперь? Со всеми драться?

– я был рядом... – он не слушал Нику, – Камизэль чувствовала меня... но не подпустила к себе... Не оттолкнула. Не сказала ни слова... Это было равнодушно, словно пусто. Девушка замолчала.

– бармен – он крикнул куда-то в зал – водки.

Через минуту он наливал себе полную стопку. Затем вторую, пятую, восьмую. Вероника уже не прикасалась к своему бокалу. Бутылка опустела.

– бармен – снова тот же крик – водки

– остановись, а то снова натворишь что-нибудь – Ника взяла его за руку

– не волнуйся теперь, только себе... – он улыбнулся и снова крикнул – водки.

Но бармен стоял уже возле него, наливая полную стопку.

– о, красавчик – продолжал клиент – свободен.

Тот удалился

Брат Александр 1

Александр Михайлович и Лука шли в узком переулке.

– мир становится другим – начал А.М.

– нет, это люди становятся другими – возразил Лука

– они и изменяют этот мир

– только по воле Бога – мимо проходил священник

– день добрый. Если все меняется, значит и Бог меняется? – Лука задумался.

Священник даже не удивился

– нет, Бог – это предел развития. Он уже не меняется.

Но только создает эти изменения, хотя...

– почему Он тогда меня скажем не изменит, или избавит нас от болезней или голода? – съязвил А.М.

– но ведь это ты не хочешь изменяться. У тебя есть выбор.

Если изменимся мы, то изменится и мир. Болезни и голод исчезнут это очевидно

Лука сделал вывод:

– да, люди злые.

– нет, они не злые, они пользуются злом, – пытался объяснить священник – либо добром. Но Бог он даже не пользуется любовью, Он отдает ее нам, а вот мы ею пользуемся, и к стати ради самих же себя.

Пастырь свернул в другой переулок этого бесконечного городского лабиринта. Они пошли дальше

– грамотный какой-то

– не это не грамотность, это мудрость. Он прав в этом мире любовь – это предел таланта.

– а я все равно не верю. Это все сделано, чтобы деньги из меня вытягивать. Вон же сколько сект всяких напридумывали.

– да, бабок там достаточно. – но что-то внутри добавило, и Александр Михайлович продолжил – но останется только истина...

Александр Михайлович обернулся назад:

– всё еще идут,

– кто?

– за нами хвост

Лука задергал плечами:

– много их? Хотя какая разница, давай я их ушатаю

– нет, я этого ожидал, сделаем немного иначе, они тоже будут участвовать в этой схеме.

– да, хорошо когда есть связи в органах – боец убрал руки в карман. На одном из поворотов их ждала Луиза, стриптизерша дорогого шикарного клуба.

– привет мальчики.

– здравствуй, здравствуй красавица – продолжил Лука, и передал ей один белый пакет. Другой отдал Александру Михайловичу. Двое наблюдавших переглянулись, но продолжали идти в ту же сторону, создавая вид прогуливающихся джентльменов.

– всё, – подняв руку вверх, А.М. свернул в другую сторону – дальше по звонку.

– я помню, помню. – ответил Лука.

Все пошли в разные стороны. Один за Луизой. Боец к юристу. Другой за Александром. Последний к Борису. Оставив около квартала, от точки их расхода, Лука зашел

в подъезд элитного дома.

– вы к кому? – консьержка, не отрываясь глазами от любимого сериала, подняла голову

– здравствуйте, я к Карсавину Виталию. Он записал меня на консультацию.

– ммм... к юристу? проходите, проходите —

Подойдя к дверям он настойчиво постучал

– Кто? – послышался бас

– я от Бориса – в Луке заговорил боец

дверь открыл один из телохранителей, другой стоял рядом с юристом

– проходите – начал уже напуганный Виталий

– у меня нет времени на ваше «проходите». Я за деньгами

– но у меня только половина... я еще не... – терялся в эмоциях должник, вытаскивая из под стола часть собранного долга – мне бы еще немного времени.

Лука достал телефон, и набрал Александра Михайловича:

– Борис... да, но только половину... понял, скоро буду, – он убрал телефон, и взял со стола сумку, – Борис дает еще три дня. Мой вам совет – хотите спокойной старости? – не связывайтесь с Борисом.

Развернулся и пошел.

– да за три дня это не возможно! – юриста накрыла печаль.

Лука на секунду остановился

– три дня. ТАК сказал Борис. – и вышел из квартиры.

В это время Александр Михайлович стоял рядом с секре-

таршей, пытаюсь всячески соблазнить молодое искушенное тело. Ответив на звонок Луки, он попрощался с ней, поднял с пола пакет, и зашел в кабинет Бориса.

– день добрый, я от Карсавина Виталия. – А.М. с приветливой улыбкой шел к столу, но его остановили двое охранников. Один проверил его на наличие оружия, второй взял пакет и, посмотрев положил на стол Борису. Тот молча мокнул туда палец, высунул, попробовал «белезну» на язык, затем зачерпнул длинным ногтем своего мизинца, и пару раз вдохнул в себя привычное состояние.

– добрый – Борис указал гостю на рядом стоящее кресло

– Виталий извиняется и просит еще три дня. Половину вы получите в течение 10 минут. А пока я бы хотел обсудить с вами пару вопросов относительно этого инцидента. Дело в том, что я работаю с Карсавиным не давно. Такие люди нужны только, для будущих связей, от них мало толку, когда потенциал вырвался наружу. Большие деньги всегда требуют качественной жизни. Вы согласны?

– продолжайте

– этот разговор не стоит лишних ушей – А.М. насторожился. Если охранники останутся здесь придется менять план. Хотя это была не проблема. Он рассмотрел три версии удачной аферы.

– свободны – Борис отпустил охрану и обратился к Александру Михайловичу – когда они постоянно рядом, перестанешь их замечать.

– наверно много знают

– вы не доверяете людям?

– вам ли задавать этот вопрос? – А.М. специально тянул время.

В кабинет зашел охранник

– Здесь еще один от Карсавина, деньги принес. Говорит, что ему Алексей Николаевич нужен.

А.М. обернулся назад.

– значит Алексей – Борис протянул руку – приятно познакомиться

– я добавлю «очень»! – слицемерил А.М., и ответив на рукопожатие, обратился к охраннику – что ему надо?

– номер квартиры спрашивает – охранник подошел к столу и поставил сумку с деньгами на стол

– листок и ручку можно? – А.М. вошел в свою роль – иногда мне кажется, что они специально тупят.

Получив желаемое Александр Михайлович написал номера дома и квартиры, и отдал охраннику. Борис все прекрасно видел. Схема подходила к развязке.

– я надеюсь нас не побеспокоят хотя бы пять минут? – А.М. достал маленькую колбу с чем-то розовым и протянул Борису – это и есть цель моего визита.

Борис был жадный ко всякого рода таким гадостям. Об этом ему рассказала Луиза, как в прочем и о сейфе с золотыми плитками. Тот высыпал содержимое на стол.

– Алексей, знаете что, мне нравится в человеке? – химия

обожгла носоглотку, и Борис начал рассказ – поступки, они вносят ясность, это словно проявлять пленку фотоаппарата. Пока картинки нет, ты сомневаешься в удачном снимке. Ты можешь сделать их тысячи. И все могут оказаться пустым жертвоприношением дерева. – Он поднял листок бумаги, и отпустил его. Тот скользя по воздуху приземлился на стол. – и что самое интересное, когда у тебя будет коллекция фотошедевров, найдется критик, который из всех отберет один. А все авторы будут им «уничтожены». Как выражается он сам. Так вот Алексей тот критик – это я, надеюсь вы понимаете о чем я?

Борис гордо встал, и подойдя к сейфу набрал комбинацию. Дверка открылась. А.М. стоял позади.

Бутылек с клофелином был в сумке с деньгами. Лука по дороге положил его в потайной карман. Охрана особо не осматривала содержимое. Большое количество денег всегда отвлекает взгляд, затуманивая разум.

Как только Борис отвернулся к сейфу, скрытому банально за картиной. А.М. достал платок и смочив слотворным, приложил, удушая, к его лицу. Борис пару раз дернулся пытаясь вырваться, или хотя бы крикнуть, но страх за жизнь, одним глубоким вдохом, втянул в легкие опасное средство.

– не стоит угрожать неизвестности Борис – А.М., удерживая тело, усадил того обратно в кресло, придав позу «убитого

нарка». Затем высунул тридцать плиток, плотно прижатых в один ряд к стенке и потолку задней части маленького хранилища, и скинул в ту же сумку с деньгами.

– эта неизвестность может легко разрушить вашу золотую стену. – и застегнув, скинул ее из окна Луке в багажник джипа. Пустые картонные коробки, лежащие в нем, смягчили приземление. Да и шума особого не было, чтобы привлечь внимание.

А.М. вышел из кабинета и направился на выход. Телохранители зашли к Борису.

– всё, походу сегодня орать не будет – шепнул один оказавшись рядом с начальником.

– Борис – попытался обратиться к нему второй. Но безуспешно

– Да пусть спит, когда еще отдохнем? Сам же нас отпустил, пусть кайфует, а я отыграюсь – первый достал из кармана зарики. – партии две у нас есть.

Частое состояние опьянения их не удивляло. Этим пользовались даже дети Бориса.

– попробуй.

А.М. и Лука сели в машину.

– здорова Леха. Один есть! – Александр Михайлович позвонил другу детства, для которого будущий подсудимый оказался именно тем человеком – когда потенциал вырвался наружу. Хотя человеком его не назвать. Он был не угоден самим бесам. «Достойная звезда на мои погоны» – выражался

Леха.

– понял – ответил опер, «скинул» Александра Михайловича, и обратился к коллегам – работаем, когда охрана уедет. Понятые готовы?

Те кивнули в ответ.

Луиза тем временем зашла в подъезд дома. Следивший успел к двери, чтобы та не закрылась, и поднялся за ней. У самой двери, когда стриптизерша вставила ключ в замочную скважину, он сунул ей в лицо корочки полицейского

– не волнуйтесь, пройдем в квартиру – полицейский впихнул ее в коридор.

Девушка немного растерялась, но быстро собралась с мыслями:

– что вам нужно?

– мне? человек, вручивший вам этот пакет! – он улыбнулся, и закрыл дверь, – надеюсь мы не будем идти в отказ, это увеличит негатив, но всяческое содействие, положительно повлияет на вашу дальнейшую судьбу.

Он сильно схватил ее за плечо, и толкнул в одну из комнат. Луиза оступившись рухнула на мягкий ковер, выронив пакет

– не трогайте меня, он скоро будет. – застонала от боли.

Тот достал телефон

– я на квартире... да, она со мной... понял, жду объект. – отключился и, вынув из кабуры пистолет, обратился к стриптизерше, – а мы немножко поиграем.

Девушка отползла назад.

Он взял пакет, небрежно насыпал из него на стол, и проделал те же «наркоманские движения», что когда-то делают практически все. Луизе оставалось только ждать

Александра Михайловича и Луку, которые уже ехали к ней. Следивший за А.М., поймав такси продолжил свой путь.

Через какое-то время Борис очнулся... Ненависть взяла над ним контроль.

– охрана! —

От этого крика они забежали в кабинет, осознавая очередное недовольство своего работодателя. Но Борис молчал. Он смотрел им в глаза. Но ни как не мог увидеть в них то, за что платил деньги. Борис не различал людей, но знал, что каждый из них так же продажен как и все. Эта мысль играла в нем, подкидывая очередную волну ненависти: «Вы двое... да кто вы такие? Зачем вы? Не понимаю... Столько денег впустую... Какой глупец... да... я просто лох...». Под столом его руки накрутили на ствол пистолета глушитель. Затем послышалось два хлопка, и двое упали. Борис нашел в телефоне «служба спасения» и набрал номер:

– да, здравствуй родной, здравствуй. Слушай, здесь два человека лишних. Да..., как обычно код с переводом денег смской. И еще, пару человек надо найти поможешь?... Отлично...

Дверь в кабинет вышибло от удара ногой одного из омоновцев. Борис бросил телефон в сторону, направив пистолет тому в голову. Но реакция бойца позволила отпрыгнуть в укрытие. Пули полетели в разброс: одна отрекошетила от чего-то железного, три в диван, оказавшийся щитом того бойца, другие в проем оставшийся без двери. Осознав пустую обойму, и ситуацию в целом, Борис положил оружие на стол. Омон сработал мгновенно, скрутив того прямо за столом.

– все только начинается – ненависть пойманного встала на новый этап развития.

– ну, если учитывать, что у вас две статьи до п.ж., то это как сказать. Хотя да, вы правильно сказали. – опер на секунду отвлекся.

Бориса увели. Пошла обычная рутинная работа полиции.

– Леха звонил – А.М. нахмурился

– что говорит?

– говорит, что Борис застрелил своих охранников.

– да как так-то?

– не понимаю – А.М. опустил глаза

Лука замолчал.

Джип пробирался сквозь небольшую городскую пробку. Солнце забралось на свою самую высокую вершину, сбивая с земли оставшиеся после зимы, но уже никем не замечаемые льдинки. Делала последние шаги весна, предлагая лету принять её проделанную работу, чтобы удалиться. Марет

во, переливаясь, словно затопило все машины. Наслаждаясь жизнью они захлебывались в собственных выхлопных газах.

– козел. – пробубнил Лука, и обратился к А.М. – че ему трудно меня пустить?

– может торопится? Оставь его

– да с чего ради? Тут все торопятся. Я тороплюсь, ты торопишься, моя бабушка торопится.

Человек сидевший в той машине продолжал игнорировать их.

– козлина, ну все – Лука выскочил из джипа, подбежав к той, дернул за ручку, но дверь оказалась закрытой – ну че урод, лови.

Одним ударом боец разбил окно, и вырубил водителя. Отойдя от машины Лука услышал плач ребенка сидевшего позади того. Он спокойно сел на свое место, и перестроился в нужный ему ряд. Александр Михайлович Не смотрел на действия своего друга. Они были совершенно обычные. Его поглотили свои мысли.

– деньги копят людей.

– вот щас не понял? Может наоборот? – Лука повел бровью

– может и наоборот. Может они запустили людей в «оборот»?

– слышь Саня, говори нормально. Я тебя не пойму. Этот ребенок еще... Деньгами по любому люди управляют.

– может наоборот? – А.М. пришел в себя – какой ребенок?

– да в машине той сидел на заднем сидении.

– ты же этого хотел.

– ну не при ребенке.

– какая разница, у тебя даже здесь ринг. Ты не видишь перед собой людей.

– а ты что видишь? Кроме денег ничего

Радио тихо напевало какую-то грустную мелодию, словно вводя их в транс.

– мне сегодня странный сон приснился, – начал А.М. – я был дряхлым стариком, нищим, в рваных лохмотьях... я протягивал руку к тысячной купюре. Шел ливень... та женщина, я ее знаю, но никак не могу вспомнить. Она держала эту купюру, увидев себя, она испугалась, потянула деньги к себе, и рванула, убегая от меня. Выбежав на дорогу, она видела тот грузовик, но что-то словно вкопало её в асфальт. Я не знаю, что было дальше. Я проснулся.

– неправильно все это – Лука повернул на парковку и заглушил двигатель – я бы еще тебе брякнул.

– но почему она не отдала мне эти деньги? Она была хорошо одета, я даже помню аромат ее духов. Я весь день об этом думаю. Какая-то безответная ситуация.

Они вышли из машины. Лука забрал тяжелую сумку. Неподалеку остановилось такси. Следивший вышел и направился за ними.

– надо было выхватить эти деньги из её руки

– я не успел

– ааа, ты хотел, – не удивился Лука, – а дом у тебя там был?

– нет, ничего не было... вообще ничего.

– нет, все же одно было.

– что? – не понял А.М.

– жадность была.

Начало 4

Черное и белое... теперь они не смешивались. Но переливались в этом создании, имея четкие границы. Словно серого больше не существует. Он был удивлен другим – Мир так же совершенен, а сложность и простота не уступают тому, что он видел. Всё не уместилось в сознании. Силуэт перемещался в огромном зале. Над головой из одного угла пола в другой часто ветвилось, не имея ломаных линий, что-то полупрозрачное, к центру оно разделялось на три ветви, каждая из которых имела круглые плоды, или другими словами исходы. Одна ветвь сливалась в стену, вторая вращалась в паре метрах в неё же. Другая, разделяясь, соединяла потолок и вход в этот зал. Все линии были хаотично идеальные, плавные, то сплетаясь словно в косу, но не касаясь друг друга, то отдалялись меняя свою траекторию. Толщина была одна. Не понятно было только откуда и куда оно росло. Силуэт снял с чаши этого растения созревший маревый исход. Который постепенно стал впитываться через его пальцы. Как

только плод закончился, ладонь, затем рука, и всё тело, концентрируясь, вытолкнули черно-белое наружу, оставив мерцать силуэт полупрозрачным маревом. Он смотрел на цветовую гамму, отделившуюся от себя, переливающуюся не имеющую определенной формы. Это был сгусток энергии, им можно было создавать свои мысли.

Черного становилось все больше. Сначала в нем утонул силуэт, затем это странное растение, после и весь зал укрыла тьма. С каждым разом он распространялся повсюду быстрее, потеряв свое начало и конец.

Белый же приобрел форму шара, который раскручивало вокруг своего центра, его размеры, относительно черного, бесконечно уменьшались. Он стал светиться, то переливаясь, разделяясь на спектр, то снова белым.

Черный словно пытался поглотить этот свет, превращая его уже в точку, но её лучи все продолжали касаться бесконечных границ мрака. Скорость шара теперь была огромна. При этом рождалось колоссальное количество тепла.

– это не твоя мысль. Кто ты? – Корректор смотрел не отрываясь от сознания этого силуэта. Имея такие способности, любой из них уже к началу такого действия потратил бы всю энергию, и присоединился к черной реке.

– но она может стать твоей...

Мрак стал проникать в космос, растворяясь в нем. Теперь это был не шар, но Звезда, сиявшая где-то в их галактике. А силуэт, повернувшись к корректору, продолжал:

– ты получишь знания, и сможешь создавать миры – его глаза словно испаряли тьму

– что я должен сделать?

– уничтожь того, кто сможет превзойти тебя. Он не принадлежит Миру людей – силуэт засиял черным, словно корректор общался с самой тьмой – поэтому, как только покинет свою оболочку, им займусь я. Докажи, что ты сильнейший, и ты получишь власть над своими богами.

– но мне не проникнуть в тот мир? всех кого мы послали не смогли вернуться.

– ты сможешь проникнуть в него, ты сможешь жить в нем, внушать ему свои мысли, зачем тебе мир глупец? – силуэт вспыхнул от ярости.

Аластор вспомнил, как свечение Вероники содрогнуло их двердь, и под его ногами проявилась трещина. Но сила тёмной энергии его заинтересовала больше:

– я согласен.

Звезда достигла предельных скоростей, накопив избыток энергии. Произошел мощнейший взрыв. Куски разлетелись по космосу, а на ее месте образовалась черная дыра, затягивая все, что находилось поблизости. Корректору была знакома эта стихия, когда трое исчезали из их Мира, она была той же. Протянув руку, этот смерч начал проникать в него. Корректор стоял уже в его центре, и словно вдохнул в себя тьму. Через минуту вокруг снова стало тихо.

– я жду ваших действий. – силуэт исчез.

Корректор стоял в том же зале, наслаждаясь новыми способностями.

Такси стояло позади, освещая им путь. Девушка помогала, хотя это слово здесь неуместно, она тащила своего спутника, еле передвигавшего ногами. Это было именно то состояние, когда человек ничего не вспомнит на следующий день. Состояние безразличного счастья, для неконтролируемого тела.

– Ника, я говорил, что люблю тебя? – его язык каким-то вязальным способом пытался собрать нужные буквы и расставить их в порядке понятном девушке.

– да, да говорил – Вероника повела взгляд, отворачиваясь от перегара

– и что уважаю, тоже говорил что ли? – его лицо выразило удивленную гримасу

– ну конечно, пойдем я прошу тебя.

– Ника, дай я тебя поцелую – он чмокнул её в щечку – ты женщина молодец вообще вот такая вот.

Он сжал пальцы в кулак и посмотрел на него.

– дааа, о таком комплименте мечтают все женщины.

Они стояли возле прохода между мирами. Корректор не ожидал этого, но увидев беспомощность своего лучшего из силуэтов, уловив его взгляд, не мог не воспользоваться этим. Черная сущность, сплошным плотным дымом проникла через его глаза.

– где мы вообще?

– ты что, серьезно? – Вероника остановила его.

– вполне – он огляделся, отпустил девушку и сделал пару шагов вперед, затем повернулся к Нике, но её уже не было. Вокруг не было ничего. Он произнес её имя, но не услышал даже своего голоса, все звуки исчезли. Пытался о чем-то подумать, но воспоминания стерты. Он не чувствовал себя. Была только пустота, не существование ничего.

Утро.

– доброе утро соня —

– доброе – он поднял голову, но тут же замер. Боль словно молнией пронзила мозг – что это было?

– ты о чем? – Ника стояла на кухне, повернувшись к нему спиной и, что-то жуя, готовила завтрак.

– что произошло?

– ааа, ты ничего не помнишь? – девушка оставила приготовления взяла стакан с водой и подойдя уселась к нему на диван. – ну, начало ты наверняка помнишь, перейду сразу же к...

Сделав пару больших глотков он поставил стакан на журнальный столик, и больше не слышал Веронику. На ней была белая, огромная рубашка, просвечивающая, выделяющая, словно классика, талию. Рукава, накрученные до локтей. Кружевное белье: черный низ, красный верх. Пары пуговиц ближе к воротнику вообще не было. Все совершенно обычно, Он сотни раз видел её такой, и никогда не обращал на это внимания, но сейчас.... Рука словно сама потянулась к полу-

обнаженному телу. Появилось простое желание прикоснуться, не нужно было знать зачем, почему или как. Просто ощутить тепло, испытать нежность её кожи.

– да, а потом я тащила тебя слышишь, и ты не такой уж легкий – Голос Вероники стал тише, а затем медленнее. Его ладонь скользила по её ноге. Ника уже не так уверенно говорила о вчерашнем, запутываясь в своих воспоминаниях. – я держала тебя... и отпустила... или сначала... отпустила... а потом держала. Глаза девушки закрылись, сердце забилось быстрее. Словно автоматически нога отодвинулась в сторону.

– тебя не было. Слышишь? – его губы шептали ей на ухо. Рука отодвинула край рубахи. Пуговицы одна за другой выбрасывались из петель – я произнёс твоё имя, но не услышал себя.

Он не заметно поцеловал её в щеку. Рубашка поползла с плеч. Затем в шею.

– а потом... ты просто... упал —

Разговаривая, их губы краями стали чуть прикасаться друг к другу, не позволяя себе большего.

– я никогда такого не ощущал.

– и я

Ника вытащила из под себя одеяло. Но укрыв себя лишь на половину забылась в его поцелуе.

Желание мыслить – это самое начало. А сами они часто идут произвольным потоком. Иногда смешные, ты пыта-

ешься удержать улыбку, стоя где-то среди толпы пассажиров в автобусе, но не получается, и прячешь лицо от недоумевающих соседей, поймавших тебя на этом. Это было с каждым, ну или будет. Некоторые в то же самое время ловят страшные по своей сути мысли и думают: «Что за бред?». Или приходят в голову, или думают, или мечтают, назовите этот процесс, как угодно. Иногда и ты получаешь такие: пошлые, грустные, развратные, скучные, глупые, пустые, интересные, важные, мудрые и т.д.. Как только ты улавливаешь одну, словно поймав какого-то собеседника, из всех кто предлагает свои, эта мысль начинает развиваться в тебе. Мы делаем выбор не из своих, а совершенно чужих идей – интересная фраза. А своих оказывается совсем мало, хотя это всего лишь мои мысли, но кто знает?...

Страсть захлестнула, сплетая под ними свои бесконечные руки в гамак из диких мыслей. Они будто стояли перед ней на коленях, выпрашивая этого. Похоть, переворачивая по дивану, бросила пару на пол. Раздался крик рвущегося чьей-то ногой покрывала. Тела пылали от жара, без всяких морских пляжей или раскаленного солнца. Скользя от пота, их сдерживали остатки белья Вероники. Они дышали, словно кто-то тянул их на дно океана, и из последних сил касаясь края воздуха, хватали его хотя бы раз в жизни.

Но через какой-то миг Ника уже сидела в метре от него и, пытаясь спрятаться за порванным одеялом, сделала жест рукой» стоп».

– Вот этого сейчас не надо – девушку охватил страх. Не ужас, не испуг, но страх, когда он пробегает мурашками по коже. От него не сбежать, но приходится прочувствовать.

Белки его глаз испаряли черную бездну. Но зрачки были такие же обычные, возможно с тем же рисунком сетчатки и карим оттенком.

– что случилось Ника? – он приподнялся, – да, что с тобой?

Девушка хотела повторить его последнее сказанное предложение, но все стало прежним. Паника сменилась смелостью и простым женским интересом. Она медленной грациозной пантерой подползала к самому его носу, увидев обычные глаза, долго всматривалась, наверно убеждая себя в мыслях: «Показалось».

– Ника

Но девушка не слышала, впуская в себя ту неудержимую безумно расковывающую страсть, переходящую из него.

Кто-то или что-то играло ими, подобно куклами.

– Ника – он произнес громче, но она лишь открыла глаза, испарявшие ту же тьму, и через секунду ставшие прежними. Девушка продолжала в своей голове секс. Он держал ее за плечи, не подпуская и не отталкивая от себя. Вероника застонала, завораживая его, выгнулась в сторону, в другую. Нежно, но так же безумно укусила за предплечье, сманивая любым способом. Её всю ломало.

– согласна, – немного успокоившись, и сменяя свою позу

на сидячую, издала еще один очаровывающий выдох со словами, – что-то не так.

– надо разобраться. Что-то происходит с нами.

Девушка положила свою голову ему на колени.

– ты... —

– что?

– почему ты выбрал её?

Какое-то время молчание пыталось найти ответ: «Странный вопрос – почему я сделал такой выбор? Наверно...»

– я не выбирал... – удивление возрастало в разы. – Вероника, я должен идти.

– ммм... иди – хладнокровным голосом ответила она, – тебя никто не держит. – Девушка подняла рубашку, надела и пошла к плите с одной лишь тихо произнесённой фразой: «Какого черта?»

Он шел по вчерашней аллее около 10 минут: «Я мог позволить себе в выборе абсолютно всего, кроме этого, я принял эту ситуацию, этот случай, это чьё-то предложение... что это вообще тогда? Разве это любовь?»

Сомнения запутывали, подкрадываясь одно за одним: «Ведь идеального ничего не существует... почему я не вижу в ней пороков? Что-то ослепляет меня? Нет, она – моя ложь.?»

Он присел на скамью возле своего портала. Словно повторяя чью-то примету, перед долгой дорогой.

– почему ты такой злой? – рядом сидела девочка лет пяти

– злой? – удивился он.

– ну да, люди всегда так сдвигают брови когда злятся

– не, я не злой, я задумчивый

– и что ты задумал? Что-то злое?

– нет, я пытаюсь узнать, что такое любовь.

– ну тогда ты должен улыбаться как я, вот так, – девочка широко улыбнулась, показывая двумя указательными пальцами на края губ.

– ого, какая у тебя большая любовь, у меня не такая

– разве она бывает другой?

К ним быстрым шагом подошла женщина

– я же говорила, не разговаривай с не знакомыми, о чем вы говорили?

– у вас очень умная дочь – вмешался он.

Но женщина только строго посмотрела на него, взяла за руку девочку, и они стали удаляться.

– Мама, мама, а разве любовь бывает разная?

– нет дочка она всегда одна. Вот например ты Света да?

– да

– и когда я называю тебя мой маленький светлячок, ты ведь тоже остаешься Светой

– ну да.

– вот и с любовью так же.

Воспоминание:

– он взял меня за руку, и растворил во всём вокруг. Среди тысячи силуэтов. Никто и представить не мог, что мы были

в каждом из них. Я чувствовал всё, и мог изменить любого. Но он не позволял мне этого. Я не знаю откуда у него такие способности? Я был в каждом атоме. Чувствовал живое и не живое. Я был во всём и повсюду.

Корректор взял мальчика за руку, и белый свет медленно проник в него, выталкивая собственный привычный темный оттенок. Он вспомнил ту энергию молодую и чистую, белую неизмеримую мощь. Когда с первой созданной мысли он израсходовал её, и приобрел свой родной светлый фиолетовый оттенок, со временем и этот утративший былую яркость. Силуэт подошел к рядом растущему растению и прикоснувшись впустил эту силу в одно из ответвлений, получив обратно свой свет. Через несколько лет на той ветви замерцали, среди десятка других плодов, три белых исхода.

– пойдём, у тебя теперь особая судьба.

Мальчик обернулся к отцу, но тот лишь кивнул в ответ, и тут же исчез. Они внезапно возникли на каком-то бесконечном мосту из стекла или хрусталя с похожими на фарфор узорами. Вокруг на больших расстояниях друг от друга в пространстве висели, не двигаясь несколько белых шаров, гигантских размеров.

– почему здесь все белое и так светло?

– нет, это твоё сознание делает таким всё вокруг.

– но я даже ни о чем не думаю

– я знаю. Тебе ещё многому надо научиться.

Сверху к ним спустился необычный величественных раз-

меров силуэт, имевший бело-прозрачные громадные крылья. Корректор поклонился ему и, передав мальчика, удалился.

Бесконечный мост за пару секунд превратился в маленькую прямую линию. Они поднимались туда, где было очень много света. Большого он никогда не мог вспомнить. А несколько вспышек памяти скорее всего не были правдой?

Отпустив прошлое, он встал со скамьи и шагнул в свой мир.

Мимо пролетело маленькое живописное создание, похожее на одну из наших бабочек. Яркое цветное. Через какой-то миг оно словно разделилось на трех себя. Одна часть содержала только контуры, другая гамму цвета, третья была почти прозрачна, как будто скрепляла эти образы. Творения порхали, то сливаясь в одно, то в два таких силуэта, оставляя после себя небольшой след линиями, исчезающими через определенное время. Существо подлетело к реке, текущей потоком энергии в виде плазмы, и словно освещалась тысячью лампочек расположенных на самом дне. Её излучение меняло цвет с каждой волной, всегда светлыми оттенками. С поверхности непрерывно небольшими, в виде шаров, сгустками эта энергия» испарялась», постепенно растворяясь в пространстве. Где-то в вышине она концентрировалась, и выпадала осадком подобно снегу, медленно опускаясь на поверхность похожую на мягкий теплый с крупным ворсом ковер. Совсем близко от реки в этом «ковре» бы-

ла расщелина, откуда бил источник сплошным дымом, иногда переходящим в тоненькую струю или дымку, реже ползущим плотным туманом. Он переливался сотнями картинок из чьих-нибудь воспоминаний или мечтаний, либо чем-то не существующим, или просто отражая того кто в него смотрел, иногда создавая бесконечное счастье, или совсем простую мелодию... Этим можно было наслаждаться бесконечно.

По двум берегам реки росло несколько деревьев, раскинувших ветви над рекой так, чтобы часть испарившейся энергии задерживалась, запутываясь в них. Поэтому там кружило множество необычных созданий.

Он стоял возле редкого и удивительно гармоничного среди всех растений дерева, геометрией напоминавшего бокал. Ствол не высоко от земли разделялся на три ветви. На одной рос исход, две другие симметрично равноудаленно делились так же на три. И все снова повторялось. Все плоды росли как бы внутри этого дерева. Оно не росло выше, или шире. Оно было создано таким, в отличие от других. Все исходы начиная с «дна бокала» кверху меняли цвет. Снизу был бардовый, выше – красный, затем синий, зеленый, желтый, белый и прозрачный.

Он был совершенно бессилён. Другая жизнь выматывала, отнимая все возможности. Поэтому он вкушал по одному сорту из всех этих плодов. Приходя в сознание, чувствуя себя таким, какой он есть.

Брат Александр 2

В подъезде: А.М. и Луку догнал следивший и взял обоих на прицел. Поднявшись на этаж, он позвонил на телефон своему товарищу, но ответа не дождался.

– Звони! – указал Александру пистолетом на звонок квартиры. Нервы лишали его всяческой собранности и спокойствия. Постепенно нарастающая тревога рылась в мозгах, выбирая из разнообразных ответов на пару возникших вопросов (что случилось?, и почему?) более правильный и логичный. Возможно чтобы успокоиться. Да, скорее всего для этого. Ты всегда надеешься услышать ответ рожденный в твоей голове. Только вот надежда бывает разной. Возможно я не прав.

Он думал, что эта ситуация – последняя для него помощь от смерти.

Все насторожились. Никаких движений и звуков не было. А.М. толкнул дверь, та открылась.

– медленно! – скомандовал следивший.

Они зашли в квартиру и направились в комнату откуда доносились нежные стоны Луизы.

Девушка сидела забившись в угол комнаты, прикрывая наготу оторванной частью платья, из носа текла струйка крови. В глазах оставалась пустота наполненная прозрачной реальностью, та самая, когда не существует ничего. Создавая

фон, для продолжения жизни, её рука тянулась за лифчиком, потерявшим способность выполнять свою функцию. Зачем? Не имело значения.

– сука! – зажмурив глаза и тихо сказав, Лука кинулся на ублюдка. Несколько пуль влетело ему в грудь. Выбив из рук ПМ, боец перекинул того через себя, и упав с ним на пол стал душить. Мышцы сжимали глотку все сильнее. Хрип постепенно прекратился. Их глаза закрылись одновременно.

А.М. в это время разобрался со вторым в коридоре, опустошив в него его же обойму. И зашел в комнату, в которой Лиза подняв с пола пистолет, направила себе в висок. Александр кинулся к ней, но не успел. Прозвучал выстрел. Тело склонилось на пол.

Через несколько минут он спускался уже по лестнице с тяжелой сумкой и ключами от джипа Луки. А на парковке, сел за руль, завел двигатель, бросил на заднее сидение свою сумку и телефон.

Неподалеку медленно передвигалась женщина. Переставляя трость, она с силой опиралась на нее. Тяжелый полный пакет постоянно заставлял сменять уставшую руку. Александр заглушил мотор и вылез из автомобиля. Затем поставил на сигнализацию, и подошел к ней.

– давайте я Вам помогу

– спасибо тебе добрый человек – улыбнулась она.

Через пару метров А.М. бросил ключи куда-то в ливневку.

А сам, последовав за женщиной, свернул за дом.

Незнающие реальность 3

Барыга не звонил. В его квартире уже четвертую ночь не горел свет. Пытаясь забрать свою обещанную долю от аферы А.М., Алиса никак не могла до него дозвониться.

Стоя в ванной комнате, она разложила предпоследний сверток. Затем включила фен и нечаянно сдула его на кафель. Эту неделю она стала рассеянной. В теле появилась небольшая дрожь, и частая сильная слабость. В глазах темнело, но все тут же проходило. Девушка посмотрела в зеркало, положив фен на столик, и только хотела наклониться, как почувствовала по ноге обездвиживающий холод. Что-то толкало её за голень. Кафель..., его не было. Алиса стояла на голове одного из нескольких странных и до ужаса страшных похожих на людей существах, покрытых тьмою, из их тел жутко кричали, безумным ревом вопили сотни людских голосов. Один был покрыт кислотой, доставая никак не растворяющегося из себя человека, он сжимал его в ладони, Алиса слышала, как хрустят его кости, и бросал на землю. Человек орал, пытался ползти от этого ужаса, но его протыкали в переломанные конечности, похожими на гарпун пиками, вырывая куски плоти. Бегающие рядом звери жрали его обгладывая и разгрызая кости. Он чувствовал все это, всю существующую боль которую чувствовал когда-то чело-

Вторую лапу чудовище воткнуло в бедро другой ноги. Алиса не выдержала боли, и рухнула на кафель. Истязатель стоял уже над ней, раздирая её тело, пытаясь достать душу. Девушку трясло, глаза закатились, через пару секунд стошнило, и изо рта пошла пена. Но боли только усиливались. Издавая совершенно несуразные звуки Алиса наконец закрыла глаза и вырубилась. Безумство продолжалось еще около минуты. Погрузившись в глубокий сон, девушка лишь с каждым выдохом тихонько жалобно ныла.

Пытаясь вдавить кнопку звонка, Лена набирала скорую, как дверь наконец открылась.

– скорая, алло... аллооо, это скорая что случилось, говорите.

Подруга ужаснулась. Алиса стояла бледная, синяки под глазами, на ногах и руке огромные гематомы. Неприятный запах пронзил нос, и та на секунду зажмурилась. Бешеный взгляд пытался кого-то увидеть или наоборот.

– Алло скорая!

– Не надо – отрезала Алиса

– что случилось родная моя? – глаза наполнялись слезами

– проходи.

В комнате была чистота, какая-то даже через чур чистота. Но Лену такой порядок не удивлял, не зная как Алисе это легко удавалось. Не важно в шкафу он был, или касалось её сумочки.

Зайдя в комнату девушки уселась на диван. Алиса вдруг

торопливо пересела на кресло подальше от дверей и усталилась на них, прижав ноги к груди и обняв обеими руками. Лена пересела на боковину кресла, пытаясь успокоить, прижала её голову к своей груди.

– что случилось? Девочка моя. Кто с тобой так?

Дверь комнаты была приоткрыта, из неё на половину лица высунулась та тварь и смотрела Алисе в глаза.

– принеси, пожалуйста, воды —

– конечно, сейчас – Лена ушла на кухню. Достав телефон вызвала скорую и вернулась обратно.

– вот пей

– ты не заметила ничего необычного?

– нет, ничего

Истязатель потихоньку стал прокрадываться в комнату.

– уходи, уходи! – закричала Алиса, отползая подальше от двери, не замечая, что вырвалась от подруги – уходи!

– хорошо, хорошо, я уйду. – привстала Лена, но Алиса тут же вцепилась в неё.

– нет, нет, останься пожалуйста останься.

– да что с тобой? – снова обняла её подруга.

Тварь отошла назад, оставив так же половину лица

– Лена я видела ад. Если бы я раньше знала, что это за место, я бы все сделала, что бы туда не попасть. Эта тварь она такая страшная, – начала Алиса

Перед тем как вцепиться в меня, она была такой жалобной, я хотела помочь и чуть не протянула ей руку.

Телевизор перед девушками, пытаюсь сменить настроение и немного утешить, показывал старый отрывок из «Наша Russia».

Истязатель накинулся на Алису, и принялся щекотать. Страх и ужас засмеялись в ней истерикой. Лена сперва поддержала подругу хохотом, но Алиса не останавливалась. Шла уже реклама, как она схватилась за живот, задыхаясь от терзаний и боли мышц живота. Сардонические слезы, прожигали щеки. Звуки мерзкого ржания сменились на застывшую позу калачиком и гримасу страшной улыбки – она смеялась даже не шепотом, а» про себя».

Не зная, что делать, Лена слегка трясла подругу

– Успокойся Алиса!! – но припадок продолжался. В след за тем прозвенела пощечина. И смех прекратился в секунду. Подруга отползала с испуганными широко открытыми глазами.

Двое, позади вошедших медика, попавших именно в момент за пару секунд до удара, накиннулись на Лену.

– что вы делаете отпустите! Это ей нужна помощь!

– да, да мы поможем – но продолжили связывать.

Мед сестра подошла к избитой.

– все позади. Успокойтесь. Это она Вас так? – выявляя симптомы, врач прощупывала пульс.

– это она! – девушка указывала на существо, пытаюсь уточнить виновную, стоявшее перед Леной.

Один из медиков вызвал полицию. И тварь, вдруг проговорив: «До свидания.», – ехидно улыбнулась и исчезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.